

Автор: Есельсон С. (Россия)

Колдуна в автобусе всё раздражало. Раздражало, что он должен ехать в этой старой шведской телеге с неработающей вентиляцией и поломанным дивидюшником. Раздражал наглухо задраенный автобусный туалет, на жидкость для которого жадным хозяевам жалко было тратиться. Раздражала длинноногая соседка в кресле перед ним, вздумавшая откинуть кресло прямо ему под нос. Он почти автоматически вернул её кресло в прежнее положение, всего лишь в два движения — одной рукой на рычажок, другой — на задник кресла. Но стерва раскудаhtалась, развозмущалась и откинулась снова. И тут ему пришлось привстать и прошептать ей в ухо, что проклянет её, гниду, а заодно и весь этот вшивый автобус, если она ещё раз откинет сиденье. Ему не жалко, у него сегодня плохое настроение. Женщина вскрикнула: «Сумасшедший!» — вскочила, посмотрела на колдуна, пробормотала: «Коротышка! Я, что ли, виновата, что ты ростом не удался», — села и уже больше не шебуршала.

В гробу он видел автобус в белых тапочках! Но поезд уже несколько лет как был отменён, добраться можно было только автобусом.

Колдун был профессионалом, из семьи с подходящими традициями, в меде славился среди студентов как хороший диагност. В органах, в школе, успел послушать лекции знаменитого профессора-генерала-телепата дяди Жени-много-жёнца, славившегося любовью к развитию энергии сиддхи и готового бесконечно, до самозабвения отвечать на вопросы о разнообразных способах приворожения. Жизнь удавалась. Он побывал на стажировке в мекке экстрасенсов под чудным названием «Институт математики», его посвятили в работу с двумя скрытыми чакрами (не имеющими выхода на видимое тело), маячила заграница. И тут Союз затрещал.

Колдун стал киллером — не по убеждениям, а по профессиональной принадлежности. Точный заказ, точные деньги, точное исполнение. Ничего личного. Если бы он размещал рекламу, то именно это там было бы написано: «Профессионализм, точность, ничего личного».

Обычно заказывали посредники. Но в этот раз заказ шёл без посредников. Колдун не вникал в мотивацию заказчиков. Чаще всего, по его опыту, в дело замешивался «квартирный вопрос» (не врал -Булгаков!). На этот раз устранить предстояло женщину средних лет, профессионала-психотерапевта. -Колдун не был гуманистом, но всё-таки спросил заказывающую особу: «Может, приворожить-отворожить?» На что дама сказала: «Вам-то что?» — окинув его быстрым тяжелым взглядом. Колдун вздрогнул — он не любил быть пешкой в чужой игре, он вообще не любил быть никакой фигурой в чужой игре. «Точно, цель — она? Говорите до конца, мне можно». — «Не боитесь?» — «Вас я не боюсь, Вы же сами ничего такого делать не станете, а коллеги на меня нападать не станут».

«Цель другая, но ударите по ней — и пойдет рикошет». — «В него?» — «Да, в него». «А почему сразу по нему не ударить?» — «Не могу, таков ритуал, я должна его пожалеть, а он подставится сам». Колдун давно не общался с коллегами. «А откуда Вы знаете, что будет именно так?» — «Знаете медитацию на центр пирамиды?» — «Слышал, но сам не практиковал». — «Я заходила в центр пирамиды, абсолютно точная работа с будущим, равновесие всех потоков — будет именно так: удар по ней, а умрет он».

Колдун впервые принял заказ от профессионала. Он нашёл её в интернете — «белая колдунья» — и усмехнулся: «белая» — хохотать у него давно не получалось, только усмехаться и похохатывать.

Колдун знал, что если будет следовать ответный удар под лозунгом «Аз воздам», то по нему лишь скользнет, а ударит по заказчице. Это всегда придавало ему спокойствия. Колдун сел в автобус в кошмарном настроении. Хотя заказ был разыгран как хорошая шахматная партия, с множеством ложных ходов и фальшивых улик. Сегодня партия закончилась, был уничтожен объект, при том не тот, на который высокопарно и таинственно намекала «белая колдунья», а именно тот, который она заказывала: справку о смерти дали её мужу сразу же — по установившейся у нас традиции онкобольных никто не вскрывает и справки дают без промедления. Чтобы от трупа не пахло, муж вызвал специалистов, которые удаляют все внутренности, так что даже эксгумация не могла уже показать, что у умершей вовсе не было никакого рака (рака вызывать он не умел, да и сомневался, что кто-либо из колдунов умеет), а был не леченный никем перитонит.

Но что-то пошло не так. Не как всегда. Он это чуял всеми фибрами души, а увидеть — что же не так — был не способен. И внутри его всё ныло и ныло.

Он попытался вызвать мыслеобраз учителя — покойного генерала, дяди Жени-многожёнца — беседы не получилось, вместо мыслеобраза в башке щелкнуло: «Неучтенный фактор». И погасло.

Он проверил, идет ли уже охота на него — охота не шла, но тревога щемила. Почему-то. «Шестое чувство, твою мать», — пробормотал колдун — и прильнул к фляге с коньяком. Киев. Ноябрь 2009 г. Золотая осень. Предстоял большой международный семинар по «освобождению от зависимостей». Некоторых гостей семинара организаторы встречали лично, на собственном транспорте. Дмитрия Семёновича тоже встречали. Водитель, успешная киевская психологиня средних лет, сразу же спросила о новой его психотерапевтической группе, объявление о которой появилось в интернете. Группа была на тему: «Преодоление магии любовью».

— Дмитрий Семёнович, расскажите, о чём там. — Ну почитайте в житиях святых о Киприане и Иустине. — Вы же знаете, что я не буду читать, некогда просто. Расскажите Вы, пожалуйста.

— Почему не будете?

— Кончится семинар — закручусь: клиенты, йога, бизнес, дочь, мужчина, собака... себя знаю: точно не буду. Некогда будет искать, некогда будет читать. Расскажите.

До сих пор молчавшая спутница Дмитрия Семёновича, его помощница, присоединилась с заднего сиденья: «Расскажите». Дорога была длинная, дальняя, в Кончу Заспу, дорога, полная заторов, то есть времени на рассказ было предостаточно.

И Дмитрий Семёнович начал.

— Клиенты бывают с самыми удивительными запросами. Вот пришёл недавно молодой человек. По его рассказам, он несколько раз встретился с девушкой, стал считать, что они с ней «встречаются», что она — «его девушка». А она его не поздравила с днём рождения. А потом отказалась провести с ним Новый год. И он просил меня сделать так, чтобы она в него влюбилась со всеми вытекающими из этого последствиями. А я ему: «Дорогой, я вам не колдун. Я только по той части, которая начинается с вопроса «что не так в моей жизни?»».

И вот, представьте себе, с запросом этого моего несостоявшегося клиента пришёл

клиент во II веке нашей эры к знаменитому греческому колдуну Киприану.

...Молодой человек просил воздействовать на девушку по имени Иустина, совершенно равнодушную к его ухаживаниям. Говорил, что просит влюбить её в себя за любые коврижки. А коврижек у него было много — папа его был местным олигархом тех времен и привык от сына откупаться деньгами. Киприан это быстро проверил.

Киприан был отнюдь не рядовым колдуном. С раннего его детства родители были уверены, что у них особенный мальчик. Он говорил об окружающих людях всякие удивительные вещи — раскрывал их самые-самые тайны. Скажем, спрашивает сосед, ворует ли его слуга — и мальчик тотчас отвечал, что, мол, ворует, и рассказывал, когда и как у него своровал слуга в последний раз и вдобавок — как подглядывал, когда его жена переодевалась. Родители заметили эту склонность ребёнка и отправили его учиться. Сначала он учился в школе, созданной жрецами на горе Олимп. Потом его отправили за границу, в Египет. Там он познавал тайны магии Озириса, а потом и Анубиса. Стал своим в обеих магических школах. Даже думал пробраться в тайны Тота, но туда иностранцев не пускали.

Киприан стал странствующим фокусником, добрался до халдеев, обманывая по пути чутьё грабителей караванов. У халдеев он учился мистериям неба, стал строить свои воздействия на людей и природу в такт с небесными циклами. Он набирался и набирался силы, набирался он и знаний, подкрепляющих и утверждающих его силу. Зачем ему нужна сила — он не задумывался. Он двинулся ещё восточнее и прошёл школу огня. Он научился управлять танцем огненных саламандр, сплести и расплести из них узоры. Он научился извлекать огонь из всего, даже из воды. На молодого мага даже приходили специально посмотреть купцы из далекого Китая, выдавшие в своей Поднебесной, даже как человек проходит сквозь камень, но чтобы огонь добывать из воды!!! Такого они ещё не видавали.

Он не поехал ни в Индию, ни в Китай. Змеи ему и так повиновались без всякой дудочки — он умел испускать такое шипение, которое давало им знать, что он даже не равный им, а первый среди них. Льва он останавливал взглядом. Косуля шла к нему с влюблёнными глазами. Мог он вызвать дождь, мог и разогнать тучи. Он сказал сам себе, что больше ему учиться нечему и не у кого.

И тут перед ним появилась сущность. Он не мог назвать это ни человеком, ни животным, ни кем-то из богов, знакомых ему по греческим жреческим школам.

Сущность предстала перед ним в человеческом образе, но она никак не пахла. Сущность сказала, что он её не знает, но она за ним незримо наблюдает, видела его успехи, что, по её оценкам, он значительно опередил всех прошлых и будущих колдунов, магов и чародеев. Сущность сказала, что настал момент открыться ему. Сущность сказала, что она — князь мира сего, и тотчас приняла образ великана то ли в черной бурке, то ли с огромными черными крылами, сложенными за плечами. Великан взял его, расправил крылья и вознес на высочайшую вершину, где почти что и не думалось, простёр руку и сказал: «Внизу все царства мира. Хочешь быть моим наместником?» — «Хочу». — «Будешь».

Обернул его к своему лицу и воззрел в его глаза своим долгим сверлящим взглядом: «Хочешь, чтобы люди любили тебя?» — «Хочу». — «Будем давать им всё, что они пожелают, и они забудут слово любить, они будут тебя обожать».

Киприан поселился в Антиохии, проверил свою силу на трёх своих учителях с Олимпа. Получилось. У них умерли их старшие сыновья. И что бы они ни делали — ни

предотвратить, ни остановить этого они не смогли. Всё было так замаскировано, что они ни на мгновение не подумали на своего бывшего милого ученика, самолюбие которого они когда-то задели...

Прошли годы. Популярность Киприана росла. Росли и его богатства. Он брался за любые заказы, а в уплату брал не обязательно деньги. Мог брать рабами, имуществом, едой, сексуальными услугами. Было известно, что чего бы ни захотел человек, можно получить через Киприана — вопрос только в цене. Как-то пришёл к нему юноша по имени Аглаид. У юноши была проблема: ему не отвечала взаимностью понравившаяся ему девушка. Безответность была Аглаиду невыносима. Он пытался за ней ухаживать по-нормальному — ничего не получилось. Он стал безумствовать — на улице схватил её и попытался затащить в свой дом. Она укусила до крови зажимавшую ей рот руку и вопила как резаная. Прибежали соседи, прохожие — кончилось его невероятным позором. Пришлось вмешаться папеньке, изобразить, что у сына болезнь, и отправить его на пару месяцев «на лечение» — пока дело не подзабудется.

Аглаид просил Киприана о сущей безделице — приворожить девушку.

Киприан всмотрелся в Аглаиду. Было видно, что молодой человек ему никогда не простит, если он сделает то, что тот сделать не смог сам. Киприан знал такую породу. «Мразь», — подумал Киприан, но посмотрел на Аглаиду проникновенным взглядом и сделал ему псевдопредсказание: «Будешь учиться и станешь мощнее меня, и никто с тобой не сравнится». После чего взял деньги и обещал вскоре исполнить заказ «в лучшем виде».

...Иустина была христианкой. Как это было часто в те времена, христианкой она стала через бродячего христианского проповедника. Проповедь проникла ей в душу, а может быть, её, душу, и породила. Что так поразило Иустину? То, что есть Бог всемогущий и вездесущий — это не выходило за рамки обычных греческих философствований. То, что люди отбились от рук и творят неугодное Богу — в этом тоже не было ничего сверхобычного. Даже то, что Бог дает людям заповеди — в этом тоже не было ничего заповедного. Иустина была единственным ребёнком жреца Едессия, и он так её просвещал, как просвещали в Элладе только мальчиков, да и то немногих.

Иустину поразило то, что Бог решил показать пример взаимоотношений детей и родителей, и то, что Бог решил пострадать, принять кару не за свои поступки, а за поступки созданных и облагодетельствованных им и вконец опаскудившихся людей. И что когда это произошло, то произошло чудо из чудес — в ком-то из людей начала пробуждаться совесть.

То, что поразило Иустину, поразило так, что она сумела донести это своему отцу и своей матери. Отец её, Едессий, нашёл христианского священника и начал беседы с ним — естественно, тайные. Неизвестно, что больше всего впечатлило Едессия. Возможно, то, что зло в этом мире — не от Бога. Что Бог наделил людей свободой воли, как и ангелов, своих помощников, и что один из ближайших к Богу ангелов оказался недоволен тем, что Бог создал ещё и людей со свободой воли, начал влиять на волю людей так, чтобы люди начали выделять такое, что Бог, по расчету этого ангела, пожалеет, что их создал. История была близка сердцу Едессия, повидавшего всякие сложности взаимоотношений в треугольнике отец — старшие дети — младшие дети. И когда он слышал про борьбу со своими дурными мыслями и чувствами, кои мысли и чувства стали плодом невидимой работы восставшего ангела - завистника, слышал про личное преображение как цель жизни, то взял жену, взял дочь Иустину — и ночью, тайно, они крестились.

...Киприан не стал заниматься этим делом лично: обольщение молоденьких девушек — не его ранга дело. Он открыл книгу заклинаний, вызвал беса и поручил ему это несложное дело.

Бес извлек неизвестно откуда пузырек с пурпурной жидкостью для Аглаида, Аглаиду следовало окропить этой жидкостью дом Иустины. Бес было польстился замкнуть Аглаида на себя, но Киприан никогда не передавал никому своих клиентов.

Дом был окроплен — и началось...

Иустина имела привычку ложиться рано и вставать рано. Она вставала и принималась за молитвы, а потом всё остальное.

И вдруг, открыв глаза, она не тут же встала, а почувствовала какое-то волнение, забилось лихорадочно сердце и рука потянулась вниз живота, где зажглось какое-то невиданное доселе пламя.

Она впервые в жизни взмолилась — не умом, она не понимала происходящего, — а устами, сказала просто: «Господи!». И странное состояние на минуту отпустило её.

Она встала и начала молиться. Всё исчезло.

В тот же день, когда Иустина легла спать, то вместо сна возникло размышление — что это было утром такое? Она вспомнила, что священник когда-то говорил о бесовских кознях и дьявольском вожделении, и радостно подумала, что ей удалось от этой гадости отбиться.

И в этот самый момент из памяти возник образ юноши Аглаида и мысль о том, что было бы, если бы ему удалось её похитить. Кровь кипела, как в котле. Иустина повернулась и свалилась с кровати. Удар пришёлся как нельзя кстати. Иустина очутилась на коленях. И обратилась к Господу: «Господи, Боже мой, Иисусе Христе». Помолчала, помолчала и взмолилась: «Враги мои восстали на меня, приготовили сеть уловить меня, истощили душу мою». Молитва её была молением, она шла из глубины души, лилась как чистый горный ручей, как песня. Наверное, так рождались когда-то псалмы царя Давида.

Мольба её наконец зазвучала как крик о помощи.

Как позже вспоминала Иустина, её спасло то, что она оказалась на коленях и закричала о помощи. И вспоминала, что врагами её, чуть не сгубившими её, оказались изнеженность и леность — забыла, что Царство Божие только усилиями дается.

Бес пришёл к Киприану с вестью о том, что у Иустины есть некий сильный защитник, чтобы одолеть которого бесу нужно усиление.

Киприан уничтожил первого беса и призвал другого, более хитрого и злобного. Второй начал с того, что начал внушать ей мысли о быстром победоносном окончании маленькой войны с бесовскими нападками. Предложил ей поделиться опытом с подругами-прихожанками, отпраздновать победу. Но он перестарался. Слишком навязчивые мысли о победе, не свойственные ранее Иустине, её насторожили. Она сделала прямо противоположное: надела грубую одежду, власяницу, и стала на пост. Когда Киприан призвал второго беса и тот предложил ему потерпеть, то Киприан начал хохотать. Никогда ещё Киприан так долго не хохотал. Бес был, конечно, уничтожен. Всё же Киприан хотел попробовать решить дело через бесов в третий раз, прежде чем заняться делом лично.

Третий бес показал Киприану свой профессионализм — произвел разбор ошибок первых двух бесов и поклялся всё исполнить наилучшим образом, оговорив хороший процент с киприановского предположительного дохода от этого дела.

Бес принял образ благочестивой нищей старухи и пошёл искать встречи с Иустиной.

Старушка стала у дверей места, где проходила служба, у дверей тайной церкви, и благословляла всех выходящих женщин и мужчин словами: «Да будут благословенны ваши дети и ваши внуки, да умножатся ваши роды через вас и ваших потомков».

Благодарные люди подавали ей подаяние.

Вышедшая Иустина ответила ей, что её мечта — удержаться в целомудренности, хоть немного приблизиться к ангельской чистоте. Старушка укоризненно покачала головой: «Как же, деточка, существовал бы мир, если бы женщины не рожали? Поистине доброе дело — супружество. Вот апостол Павел говорил: “Брак у всех да будет честен и ложе непорочно”, — слыхала о таком?»

Иустина сказала: «Бабушка, вам ли не знать, что во всем есть своя мера? Брак, конечно, лучше, чем блуд, но попытка подражать хоть в чём-то райской жизни — лучше, чем брак. Это сатана искушает нас на безмерность».

Иустина осенила себя и старушку крестным знаменем и повернулась лицом к церкви. Когда Иустина обернулась, старушки не было.

Бесу невозможно было возвращаться к Киприану с поражением, и он сообразил решить дело попростому. Он принял образ Иустины и вошёл в дом к Аглаиду, полагая, что как только Аглаид подумает, что Иустина ему отдалась, то все проблемы его с Иустиной сойдут на нет, исчезнет его заказ Киприану — и делу конец. Не вздумает же этот молодой, но уже изощрённый и не привыкший к отказам женолюб жениться на ней, в самом деле!

Молодой человек, увидев входящую к нему Иустину, вспыхнул и двинулся к ней со словами: «Хорошо, что ты сама ко мне пришла, прекрасная Иустина!»

Но как только Аглаид произнес имя «Иустина», то бес не смог устойчиво держать образ Иустины. Образ стал мерцать, стремительно меняться и наконец совсем исчез.

Единственное, что успел бес — сделать себя без-образным, невидимым.

Юноша сильно испугался и пошёл к Киприану рассказать о случившемся. Киприан пообещал ему, что разберется и обязательно накажет нерадивых исполнителей, которые якобы «взяли задаток Аглаида у Киприана и захотели их обоих попросту надуть». Киприан обещал, что строго накажет воров, а Аглаиду присоветовал, раз тот к нему пришёл, воспользоваться, так сказать, дополнительными услугами.

Он придал ему образ ласточки, строго-настрого приказал лететь к дому Иустины, сесть у её окна и смотреть на неё, а когда сердобольная девушка выйдет, чтобы накормить птичку, взмыть в воздух, ввысь, потом упасть камнем, но не до самой земли, подхватиться, снова взмыть, совершить круг вокруг дома и сесть ей на плечо. А он, Киприан, позаботится, чтобы в голове её зазвучало: «Суженый».

Воодушевлённый Аглаид полетел к дому Иустины, сел на окно и начал смотреть на Иустину. Иустина умилилась птичке. Но дальше всё пошло не по плану.

Была зима, и вид у птички был несчастно-просящий. Иусти-на только промолвила к Богу слово о птичке, перекрестив её, — как силы, державшие образ птички, враз куда-то исчезли, и Аглаид свалился наземь у окна обомлевшей Иустины, подхватился, вскочил и стремглав побежал.

Киприан был задет за живое.

До сих пор никто не смел бросать ему вызов. А теперь он почувствовал вызов, причем лично себе.

Поскольку для него принять любой образ и удерживать его продолжительное время было делом обычным, то он не сомневался, что имеет дело не с красивой молодой

девушкой, а с некой сущностью, что принимает на глазах у людей образ Иустины. Он пытался добраться до Иустины на расстоянии, под покровом ночи, полагая, что ночью-то, наедине с собой, она снимает маску, и тогда можно будет увидеть, с чем он имеет дело. Всё было безрезультатно — он видел спокойно почивающую именно Иустину.

Он начал изучать историю Иустины на предмет двойной биографии, полагая, что, может быть, он имеет дело с другим фаворитом князя мира сего, подстрекавшего их на своеобразный поединок. Двойной биографии не удавалось обнаружить. Иустина никогда никуда не уезжала, ни в каких особых школах не училась.

И тогда, впервые в жизни, он почувствовал угрозу. Он подумал, что имеет дело с неслыханным талантом в колдовских, в магических делах, и что он, такой многонаученный, такой умудренный — ничто в сравнении с этим талантом. Наверное, много столетий спустя такие же чувства испытывал Сальери рядом с Моцартом.

И тогда Киприан нанес удар не по Иустине, а по городу. Сначала заболели все обитатели её дома, потом соседи, а потом и все жители города. Болезнь распространялась так, чтобы все понимали, откуда она распространяется.

Одновременно были запущены слухи, что люди страдают из-за того, что Иустина отказалась идти замуж за Аглаида. И что Киприан так ей мстит.

Киприан слышал, что так действовали в исключительных случаях волшебники древней Ассирии. И вот он это повторил.

Всё оказалось бесполезным. Когда делегация горожан пришла объяснить с родителями Иустины, Иустина стала усердно просить Господа о спасении горожан от бесовского наваждения, и всё прекратилось.

Киприан был растерян и потерян. Он пошёл к ней поговорить лично. И тут он всё понял, он взглянул ей в глаза и сразу вспомнил о том, что эллины испокон века ставили выше любых богов, он понял, что это — судьба. И она его с ней свела.

Киприан пошёл к епископу Анфиму и попросил крестить его. Анфим долго молился, потом предложил: «Сначала отрекись от своего прошлого». Киприан спросил о заклинании, которое надо прочесть, чтобы отречься. Епископ сказал, что это дело так не решается.

Киприан нашёл христианские книги и начал читать их, и читать, и читать.

Он стал на пост. Никогда ещё ему так не хотелось есть и никогда ему ещё в его воображении не представляли женщины в таких соблазнительных видах, которыми он пользовался, как кошка мышкой, то выпуская из своих зубов и отдавая другим мужчинам, то опять захватывая. Он спохватывался и кротко обращался за помощью к Иисусу. И помощь приходила.

На время.

На сороковой день поста над ним возник тучей в черной бурке, прикрывающей то, что раньше было крыльями, диавол и предложил: «Будет голод! Я дам в твои руки источник хлеба. И люди все тебя возблагодарят. И Иустина будет тебе благодарна. Очень».

Киприан сказал: «Не так жить надо». И тогда диавол на него напал. Молния ударила внезапно, но удивительным образом не попала в Киприана, а прошла рядом с ним.

Киприан очнулся быстро — и первое, что прошептал: «Спасибо тебе, Иисусе», — ведь произошло нечто ранее для Киприана невозможное — князь мира сего не сумел управиться с одной из сил мира сего, молния промазала.

Киприан перекрестился: «Господи Иисусе Христе, помоги мне», — и, повернувшись к

дьяволу спиной, медленно пошёл прочь.

Анфим почувствовал, что сила веры вошла в Киприана, как только тот пришёл к нему снова. Только спросил: «Будешь учёным, книжником, изучать, писать, сравнивать или как?» Киприан отвечал, что не будет он учёным, книжником. И во дворе церкви запылал костер из его прежних чародейских книг.

Видя происходящее с Киприаном, Иустина продала свои фамильные драгоценности и раздала много милостыни нищим.

Киприана на восьмой день его обращения поставили в чтецы, а через год он стал священником.

Иустина при их первых встречах сказала Киприану, что она невеста Христова. Больше он никогда не заглядывал в её серые глаза — только внимательно слушал её.

Шли годы. Киприан стал епископом, а Иустина игуменьей женского монастыря.

Разгневанные родители! Разгневанные родители! Сначала стали приходить к Иустине с требованием вернуть им дочерей. Иустина обычно долго с ними беседовала, зачем им дочь. Матери (а обычно приходили они и были хорошо причесаны, напояжены) отвечали, что уход дочери в монастырь для них «позор, уж лучше бы умерла».

Иустина «дочерей» не отдавала, сами «дочери» никакого особого желания уходить из монастыря не выказывали.

Киприан жалобам на Иустину не внимал.

И тогда разгневанные родители обратились к правителю.

Предание предупреждало правителей римско-греческого мира об опасности безоговорочного следования жалобам разгневанных родителей. Смерть Сократа, последовавшая когда-то именно вследствие таких жалоб, рассматривалась в эллинском мире как несчастье и как урок, чего не следует делать правителям — ни тиранам, ни демократам.

Но было одно обстоятельство. В коллективной жалобе на Иустину и прикрывавшего её Киприана указывалось на то, что они всячески отвращают людей от римских богов, кощунствуют и, что самое главное, — подрывают авторитет римской власти.

Иустина и Киприан были арестованы для расследования и суда.

Киприан как бывший великий колдун и как епископ интересовал правителя много больше.

И когда Киприан ему рассказывал, что есть Бог богов, который от людей единственно хочет, чтобы они пытались жить по его заповедям, и что Он, явившись в виде Христа, показал пример, как прожить именно так свою жизнь, несмотря ни на что, то удивлённый правитель Евтолмий, один из его бывших клиентов, пропустил это мимо своих ушей и спросил его, почему он прекратил заниматься магией. И Киприан, взглянув ему прямо в глаза, сказал: «Любая магия преодолевается любовью». На что хорошо осведомлённый Евтолмий сказал: «Но ты же не женат? И любовницы у тебя нет?» — «Разве истинная любовь вершится в постели?»

Евтолмий не ожидал, что разговор качнется в эту сторону, почему-то взволновался и начал ходить. «Она что, замужем? Любит другого?» Евтолмий заподозрил, что бывший великий маг превратился в стойка и покрывает Иустину из каких-то общеэтических своих принципов. — «Да, замужем, за Господом!»

Всё! Дальше правитель разбираться не хотел. Пусть римские умники разбираются.

И отправил заключённых в Дамаск, на суд римского наместника.

Наместник любил работать с документами. Он внимательно прочитал жалобу,

подчеркнул — «подрывает авторитет власти». Записка Евтолмия показалась ему невразумительной.

Наместник спросил Киприана, призывает ли тот во время церковной службы почитать цезаря.

Киприан сказал, что не его это дело, что «Богу — богово, а кесарю — кесарево».

Наместник считал себя знатоком римского права и греческой философии, поэтому спросил: «А кого же ты призываешь почитать?»

Рассказ Киприана про Бога, про Заповеди, про Иисуса был ему неинтересен.

Последний вопрос: «Чему ты учишь людей?» — «Учу, как любить».

Голова у наместника начала болеть, сначала затылок, потом он пощупал точку ниже шеи, помассировал, но ничего не проходило, головой нельзя было без боли пошевелить.

Наместник, кривясь, посмотрел на Киприана и сказал: «Я вас с Иустиной казню. Покажи свою любовь, если других учишь».

Киприан что-то шептал, губы его шевелились, потом поднял закованную руку и перекрестил наместника.

Голова прошла.

Но слово! Наместник не любил отступать от сказанного. Если бы потом его спросить, почему он их казнил, он бы удивлённо посмотрел и сказал: «Потому что я так решил». И если его потом спросить, а почему он не изменил своего решения, то он бы ответил, что если менять решения, то Рим рухнет. Или что-то вроде того.

Римская казнь была делом публичным, значит поучительным. А поучительнее была казнь людей сломленных, молящих о пощаде. Поэтому принято было вначале приговоренных держать в неведении о приговоре и мучить.

Ни Киприан, ни Иустина на мучения не реагировали. Наместнику докладывали, что как бы боли они не чувствуют.

И тут наместник заподозрил угрозу. До него уже не раз доходили слухи о том, как римские воины, охранники переходили на сторону мучимых христиан и с ними вместе принимали смерть. Когда же ему сообщили, что ещё и известный жрец Артемиды по имени Афанасий решил вступить с ними в соревнование, бросился в огонь, страшно закричал и тут же умер от нестерпимой боли, то он приказал казнить их немедленно, через усечение мечом.

Киприан попросил, чтобы его казнили вторым. Наместник помнил про «покажи свою любовь», и когда ему донесли об обстоятельствах казни, то сердце аж закололо от внезапной догадки-открытия: «остающемуся — тяжелее».

Тела их не разрешалось погребать, тела и отсечённые головы лежали и не смердели больше месяца; потом, когда бдительность стражи при останках ослабла, как-то ночью тела и головы были похищены и тайно вывезены в Рим, где до сих пор и покоятся.

Наместник на похищение закрыл глаза, не устраивая дознание.

Рассказ ни разу не перебивался, так что можно было подумать, что Дмитрия Семёновича не слушают.

Только по вздохам и внимательным глазам помощницы и задумчивой сосредоточенности водительницы на дороге можно было предположить, что всё-таки слушают.

Помощница спросила: «А Иустина не пыталась уступить порядок казни Киприану?» — «Как видите, она ему в этом подчинилась».

Они приехали в Кончу Заспу, в пансионат. И жизнь закрутилась, завертелась.

Потом подруга помощницы рассказывала, что в той поездке, в Лавре, в пещерах та

молилась как-то странно, — просила дать ей смерть из удела Иустины.

Прошло ещё полгода, и в свой день рождения в разговоре по телефону Дмитрий Семёнович сказал своей помощнице, что она ему как дочь. Зачем он ей это сказал? Через неделю, в первый день Великого Поста, ей стало плохо. Ей сделали УЗИ и назначили срочную операцию.

Госпитализировалась она в больницу поближе от дома, — чтобы семье было проще. Операцию назначили на ночь.

Почему ей не сделали повторного УЗИ? Когда её разрезал хирург-гинеколог, то оказалось, что резали зря — кисты не было. Но хирурга охватило странное волнение — кисты-то не было, но казалось, что что-то есть, что-то другое, несхватываемое, беспокоящее. Психотерапевты в таких случаях необъяснимого беспокойства сами идут на терапию. Верующие идут в церковь на службу. Врачи испокон века выставляют случай на консилиум. Тот ночной хирург позвал коллегу-хирурга из соседнего отделения, рассказал ему о своих ощущениях и разделил ответственность принятия решения надвое.

Хирург решил, что ему не нравится вид аппендикса и ткань брюшины.

Образцы ткани были переданы для анализа в лабораторию центральной горбольницы. И был поставлен диагноз под вопросом. Страшный диагноз, но с «вопросом». Потому что результатов анализов ещё не было.

Время шло, с биопсией в лаборатории не спешили. И тогда вдруг появилась родственница, работник мединститута, обещавшая в лаборатории мединститута анализ провести быстро. Дело за малым — забрать анализы из одной лаборатории и передать в другую.

Каким частным образом анализы исчезли из одной лаборатории и возникли в другой, — дело поистине таинственное. Но это произошло, прошла частная приёмо-передача. С полной теперь неизвестностью — насколько то, что передавали, соответствовало взятым у помощницы анализам и насколько то, что анализировали в мединституте, соответствовало им. Лаборатория мединститута делает вывод — быстрый, решительный и смертельный. И больше никто её не вскрывает и никаких анализов не берет. «Чтоб не мучить человека», — так замечательно было сказано.

Что в современной медицине главное? Главное — поставить диагноз. И чтобы были подколоты определённые документы — заключения лабораторий. Диагноз был поставлен, и было сообщено родственникам, что у нее рак кишечника с метастазами в брюшину. И что ей жить осталось от силы три месяца.

Дмитрий Семёнович ощущал ситуацию как фантасмагорию. Он не чувствовал приближающейся смерти помощницы, не верил в неё. Это было, но этого не могло быть! Она очень любила фильм «Жить» А. Куросавы и решила принять неизбежность близкой смерти как аксиому и достойно пройти последний участок жизненного пути. Главное дело — успеть укрепить отношения между мужем и дочерью.

Образцы тканей из мединститута передали ещё раз и показали знакомым в онкоинституте. Те констатировали — да, мол, анализы смертельные.

Муж поверил в её грядущую смерть и верно сопровождал её в последний жизненный путь.

Между тем Дмитрий Семёнович вспомнил и рассказал ей по телефону историю жизни Амвросия Оптинского, который долгие десятилетия болел хронической пневмонией, несколько раз его соборовали — готовился к смерти, — а потом взял да и выздоровел. И

написал: «Монах болеет, пока болезнь не принесла ему настоящей пользы». И рассказал о том, что Амвросий не выполнил в молодости указания Бога идти в монастырь и заболел. Помощница неожиданно спросила: «И что Вы не исполнили когда-то?»

Дмитрий Семёнович тогда не мог взять в толк происходящее — ведь болеет же не он. Вернее, он болел, даже долго, но совсем не смертельно.

Помощнице становилось всё хуже. Ближние её ограждали от общения, не давали телефонной трубки — чтобы не расстраивать.

В один из редких разговоров, когда каким-то чудом удалось прорваться через блокаду, помощница закончила на фразе «носите бремена друг друга», и телефон разрядился.

Что было делать, что было делать? Приходилось поверить, что она и в самом деле стремительно идёт к смерти. Прервать работу? Объявить в своей фирме, в своём центре чрезвычайное положение? Но что это могло значить, в чём выражаться?

Он спросил у духовника. Про «прервать работу» тот ответил: «Ни в коем случае, того и добиваются».

А на вопрос про «что же делать» — ответил: «Хотите, чтобы я Вам указал?»

И Дмитрий Семёнович растолкал дела по разным углам и поехал в Киев, в Лавру. Там, в пещерах, дважды, в состоянии глубокого жизненного тупика, он подолгу бродил, просил помощи, наставления, и дважды он её получал — впадал в забытие, и перед ним появлялся образ человека из его прошлого. И далее становилось ясно, что делать. Он ходил и просил, и просил, и просил. Он обращался за помощью ко всем святым подряд. И к исходу третьего часа понял: «Надо уходить, надо дело своё оставлять помощнице, а самому исполнять то, что когда-то ему советовал духовник, но он не исполнил».

Утром в Благовещение он заехал на станцию переливания крови, сдал анализ на PSA (специфический онкомаркер простаты) и поехал домой к помощнице с твердым намерением рассказать ей о своём уходе и передаче ей своей фирмы.

Муж спал после бессонной ночи. Дочь хмуро взглянула на гостя, ввела в комнату мамы и закрыла дверь.

Помощница долго молча смотрела на начальника и вдруг села, лицо её преобразилось, глаза загорелись странным блеском, она захохотала и начала рассказывать гадости про себя, про мужа, про родителей, про их фирму, про жизнь.

Сколько это тянулось? Дмитрий Семёнович растерялся. На него впрямую глядел бес. Это был не голос помощницы и не её лицо. Последнее, что тот сказал с презрительным похохатыванием: «От твоей фирмы ничего не останется. Камня на камне не останется, пустое дело, след от плевка». И тогда Дмитрий Семёнович собрался духом и сказал помощнице, сказал сквозь беса, не смотря на беса: «Я ухожу, а фирму оставляю Вам». Она (или оно) засмеялась: «На черта оно мне нужно», — и осеклась.

Выражение лица изменилось, бес ушёл, испарился в мгновение ока.

— Куда уходите?

У Дмитрия Семёновича всё похолодело внутри, он понял, что ставки изменились, что уходить ему нужно насовсем и не туда, куда наметил, что уходить надо на тот свет, вместо неё. И что другая цена невозможна.

— Ухожу. Вы выздоровеете, обязательно.

Она долго молча смотрела на него, широко раскрыв глаза.

И она начала каяться, начала исповедоваться. Это была первая в его жизни исповедь, которую он слышал. И, как он думал, последняя. Уходя, он сказал ей «спасибо» и не

ответил, за что.

Медсестра на станции переливания крови дала ему результаты анализа и горестно вздохнула — результаты были смертельные.

Ему было спокойно, свершалось что-то важное. Внутри звучала музыка, симфоническая, доселе ему незнакомая. Ему вспомнилось: «Не в смерти дело, а в том, ради чего она». Он поехал покупать продукты для дома и поехал проводить занятия. За это время он много что передумал, начал подводить итоги жизни. Всё это время его сопровождала дивная мелодия. Во время занятий раздался звонок на телефон подруги помощницы. Телефон она, наверное по рассеянности, забыла отключить. Дочь сообщила, что мама только что умерла.

Оторопь овладела Дмитрием Семёновичем на долгое время. Происходило невозможное. Через неделю пришло письмо. Знакомая, подруга помощницы, писала, что когда рассказала одному

Владыке, большому подвижнику, всю известную ей историю жизни помощницы Дмитрия Семёновича, то тот сказал, что поистине та была отмечена Богом! «Заболеть в первый день Великого Поста, проболеть весь Пост и уснуть в Благовещение! Таких случайностей не бывает! Многие старцы мечтают о такой смерти и не получают. Поистину смерть из удела Иустины, как просила!»

А через две недели Дмитрий Семёнович снова сдал анализы на PSA — никогда они ещё не были такими нормальными. Московский профессор, по общему мнению в профессиональном сообществе — лучший уролог страны, пожал плечами. «Знаете, простата — это как ящик Пандоры, всяко бывает. Но вообще-то такого не встречал. Вы выздоровели!»

Дмитрий Семёнович съездил к духовнику, прозорливому старцу. Рассказал всё. Тот вздохнул и сказал, что с таким он встречался за всю жизнь один лишь раз.

— С чем таким?

— Такого количество ошибок врачей, всяких мелких якобы случайностей, халатностей, приходящихся на одного человека за такой короткий промежуток времени, не бывает! Действовал очень опытный колдун-убийца. Возможно, профессионал, даже скорее всего — профессионал. Дмитрий Семёнович был ошарашен, сказанное не укладывалось ни в какие его логические построения.

— Кому это нужно? Кому она была нужна?

— Не знаю. Возможно, не она, а Вы. Впрочем, подождите полгода. Господь говорит: «Аз воздам!».

Подождите, через полгода поговорим.

Шел ноябрь, когда ему пришло электронное письмо Бог знает откуда, из Австралии. Старинная приятельница, когда-то с мужем переехавшая на юг Австралии и по этому случаю преобразившаяся из психолога в довольно приличного живописца, писала ему, что умерла их бывшая коллега. Умерла от рака кишечника. Болезнь развилась стремительно, и она буквально сгорела за полгода. И хотя эта их бывшая общая коллега стала известным целителем-экстрасенсом, но себя исцелить не смогла.

Духовник сказал Дмитрию Семёновичу: «Думай сам, что у неё было против тебя. И почему удар пришёлся по помощнице».

Но целитель и убийца — разные специализации.

Дмитрий Семёнович кинулся было в расследование. К этой целительнице в течение многих лет приходили многие его бывшие клиенты и работавшие у него сотрудники, как

он слышал. Он этому удивлялся, но не придавал особого значения. Как ему казалось, это были люди, нуждающиеся в чувстве причастности к мистике, к запредельному, к параллельным мирам, возможно к знаниям, помогавшим им чувствовать себя выше других, не достигая ни мирской власти, ни особых успехов в каком бы то ни было деле. Он это воспринимал как неизбежное и не ощущал от этого никакой угрозы — только сожаление. Но удивительное дело: когда он начал встречаться то с одним из этих людей, то с другим и объяснять, что хочет докопаться до того, что произошло — они исчезали с его небосклона.

Наконец он вспомнил, что когда Маргарита уезжала в Австралию и он перед её отъездом побывал у неё в гостях в Москве, она передала ему небольшую картину. На картине был изображен темный лес, подступающий к поляне — непроходимая чаща. Картина была написана дочерью целительницы, когда той было 12 лет. Маргарита просила передать картину их бывшей сослуживице, погрузившейся в миры магии.

Он нашёл её, напросился на встречу и сумел передать картину примерно через год после отъезда Маргариты.

Целительница посмотрела на картину сначала удивлённо, а потом мрачно. «Почему лес такой мрачный?» — «Какой есть — это ведь твоя дочь когда-то нарисовала». — «Ну и что, а почему ты пришёл в чёрной рубашке?» — «Мне нравится сочетание: рыжий пиджак и чёрная рубашка. А почему ты не спрашиваешь меня про цвет пиджака?» — «Ладно, я подумаю. Не нравится мне это всё».

Это была их единственная встреча за десятилетия.

Он вспомнил, что старец как-то процитировал стих Лермонтова про раздувание «чуть затаившегося пожара», а в другой раз напомнил, что «короля делает свита». И перестал докапываться до мотива заказа убийства, докапываться до фигуры убийцы. Он понял, что мотивы могут быть бредовыми, ничтожными. А голос толпы может сделать их значимыми и разумными.

Прошло ещё несколько лет. И Дмитрий Семёнович попал на психотерапевтическую группу.

Один из участников заявлял свою проблему: горе после потери жены, умершей после мучительного затяжного рака.

Остался он и сын, мальчик десяти лет.

Психотерапевт спросил его, а кого бы он предпочёл потерять: жену или сына? Мужчину зарыдал.

Психотерапевт обратил внимание, что не он делал выбор, что выбор произошёл независимо от него.

Мужчина успокоился. Но возбудился Дмитрий Семёнович. И спросил: а почему его устроили предложенные ему психотерапевтом альтернативы? Почему ему в них не было узко? Клиент не понял.

Дмитрий Семёнович пытался: «Неужели Вы с горячо любимой женой не решали, кому из вас жить, а кому умереть?» — «Ну, знаете ли, это не нашего ума дело». — «То есть Вы не предлагали Богу себя вместо неё?» — «С Богом сделки невозможны!» — «То есть не предлагали?» — «Глупостями не занимаюсь».

Дмитрий Семёнович попытался зайти с другого конца: «Вам психотерапевт предложил альтернативу: с кем Вам остаться лучше — с живой женой или с живым сыном? Почему

Вы приняли эту альтернативу?

— А как иначе?

— Ну, к примеру, в уголовном мире, на зоне, для новичков есть процедура так называемой прописки.

Вот её такой вариант: новичка спрашивают: «В ж... дашь или мать продашь?» Если он выберет первое, то его опустят, превратят в «петуха», если второе, — то избьют, будут считать «козлом», сексотом, будет ходить под подозрением в стукачестве. Но если скажет, что ни первое, ни второе ему не подходит, то, значит «человек с пониманием», прописку прошёл. Почему Вы приняли успокоительную альтернативу психотерапевта?

— Я не понимаю, чего Вы от меня хотите?

— Вы ищете новую мать для ребёнка?

— Ну...

— Неужели у Вас не было мысли, что лучше бы Вам умереть вместо «горячо любимой жены» — Вы же так называли умершую жену?!

— Не было. Господь выбрал её, мне ли менять этот выбор... А я человек верующий.

— И если Ваша вторая жена заболеет, то всё повторится?

— Да... Думаю, да.

— А как же «положи живот свой за други своя»?

— Ну, есть такая поговорка, и что... Никто так не живет ведь?!

...В день, когда история эта должна была быть сдана в набор, я встретился в интернете (<http://vetrovo.ru/nadporozhskaya-za-veru-v-boga/>) со следующим текстом:

«Новомученика протоиерея Философа (Орнатского) в 1918 г. спросили: «Кого расстрелять сначала — вас или сыновей?» «Сыновей», — ответил он.

Пока убивали Николая и Бориса, отец, встав на колени, молился об их упокоении, читал отходную. Взвод красноармейцев отказался стрелять в коленопреклоненного священника, отказались и китайские

солдаты. Тогда молодой комиссар сам подошел к отцу Философу и в упор выстрелил в

него из револьвера